

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

_____
(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

_____
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями»

Обучающийся

А.А. Семенкина

_____
(Инициалы Фамилия)

_____
(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Кондратюк

_____
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Исследование посвящено изучению правоотношений, складывающихся по поводу привлечения к уголовной ответственности лиц за злоупотребление должностными полномочиями. Предметом исследования являются проблемы теоретического и практического характера, возникающие в ходе привлечения к уголовной ответственности лиц за злоупотребление должностными полномочиями.

Цель работы заключается в выявлении актуальных проблем в процессе привлечения лица к уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи теоретического и прикладного характера: рассмотрен исторический процесс становления и развития отечественного законодательства об ответственности за должностные преступления; проанализировано законодательное определение понятия «должностное лицо» и его существенные признаки; охарактеризованы объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями; охарактеризованы субъективные признаки злоупотребления должностными полномочиями; выявлены актуальные проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретические основы исследования уголовной ответственности должностных лиц	7
1.1 История развития российского законодательства об ответственности за должностные преступления.....	7
1.2 Понятие и признаки должностного лица как субъекта преступления по действующему законодательству	15
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика злоупотребления должностными полномочиями.....	23
2.1 Объект и объективные признаки преступления	23
2.2 Субъективные признаки преступления.....	28
Глава 3 Злоупотребление должностными полномочиями: проблемы квалификации и отграничения от смежных составов преступлений	33
Заключение.....	44
Список используемой литературы и используемых источников.....	46

Введение

На сегодняшний день преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления представляют наибольшую опасность для антикоррупционной безопасности Российской Федерации. Обозначенная группа преступлений включает в себя 19 составов, каждый из которых обладает своей спецификой и особенностями. Согласно статистическим данным о состоянии преступности на 2023 год среди всех преступлений указанной группы чаще всего совершаются мелкое взяточничество, превышение должностных полномочий и злоупотребление должностными полномочиями [19].

Актуальность темы исследования обусловлена тем обстоятельством, что несмотря на причиняемый интересам государства, государственной и муниципальной службы вред, высокие показатели совершения и латентный характер, практике привлечения к уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями характерен ряд проблемных аспектов, которые необходимо устранить для повышения эффективности противодействия данному негативному явлению.

Вопросы уголовной ответственности за превышение должностных полномочий являлись предметом исследований следующих ученых-юристов: С.В. Авдеева, В.А. Гончарова, К.А. Грекова, О.А. Плеховой, С.В. Смеловой, А.С. Снежко, А.С. Стренина,

В основе исследования лежат труды следующих ученых-юристов: Б.А. Абрамяна, П.П. Балыка, А.А. Бема, И.С. Боровковой, А.В. Бриллиантова, Е.А. Ерахтиной, В.С. Коростелева, С.С. Кочедыкова, Е.А. Ордворцевой, В.А. Провоторовой, В.В. Романовой, А.В. Семенюка, Д.А. Смирных, Е.В. Товаровой, В.Г. Трухиной, М.И. Утиной.

Объект исследования – система правоотношений, складывающихся по поводу привлечения к уголовной ответственности лиц за злоупотребление должностными полномочиями.

Предмет исследования – проблемы теоретического и практического характера, возникающие в ходе привлечения к уголовной ответственности лиц за злоупотребление должностными полномочиями.

Цель работы заключается в выявлении актуальных проблем в процессе привлечения лица к уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями.

Определив цель исследования, мы можем обозначить ряд задач, решение которых необходимо для ее достижения:

- рассмотреть исторический процесс становления и развития отечественного законодательства об ответственности за должностные преступления;
- проанализировать законодательное определение понятия «должностное лицо» и его существенные признаки;
- охарактеризовать объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями;
- охарактеризовать субъективные признаки злоупотребления должностными полномочиями;
- выявить актуальные проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями.

Методологическую основу данного исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы. В группу общенаучных методов познания входят: синтез, анализ, сравнение, дедукция, индукция, диалектический метод. В группу используемых частнонаучных методов входят: историко-правовой метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод правовой статистики.

Теоретическую основу исследования составили монографическая и учебная литература по уголовному праву, научные публикации, а также

диссертационные исследования об уголовной ответственности за превышение должностных полномочий.

Нормативную базу исследования составили действующее уголовное законодательство Российской Федерации документы министерств и ведомств Российской Федерации, составляющие правовую основу противодействия злоупотреблению должностными полномочиями.

Научная новизна исследования заключается в том, что теоретические выводы и положения могут быть использованы для дальнейшего научного исследования проблем привлечения к ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы исследования уголовной ответственности должностных лиц

1.1 История развития российского законодательства об ответственности за должностные преступления

Преступления против интересов службы совершались должностными лицами с давних времен. Причиной этому, по нашему мнению, может служить то обстоятельство, что до 16 века в России действовала специальная система кормлений. Ее сущность заключалась в том, что за осуществление своих управленческих функций чиновники получали оплату от населения. Такая система закладывала определенную модель поведения, которая в дальнейшем способствовала возникновению коррупционных факторов. В этих условиях личная заинтересованность оказывала существенное влияние на осуществляемую чиновниками деятельность. Однако, «законодатель длительный период оставлял данный вопрос без внимания, что, в свою очередь, также способствовало развитию и усилению злоупотребления должностными полномочиями, поскольку идея о безграничности власти лица, находившегося на управленческом посту, только крепла в связи с его безнаказанностью. В 16 веке система кормлений была упразднена в ходе проведения земской реформы, а законодатель обратил внимание на необходимость закрепления ответственности для лиц, которые осуществляют свои должностные полномочия вопреки интересам службы с целью получения личного обогащения» [25].

Анализируя исторический путь становления и развития ответственности за должностные преступления, в первую очередь необходимо обратиться к тексту Соборного Уложения 1649 года. Интересующие нас положения закреплены во 2-ой и 10-ой главе. Так, в статье пятнадцатой была предусмотрена «ответственность для судьи за несовершение «судных дел» для своих корыстных целей» [34]. Анализируя данное положение, можно

толковать его по-разному. Заявленное деяние может заключаться, во-первых, в отказе принимать заявление о рассмотрении дела при отсутствии на то законных оснований в результате получения взятки или в результате иной личной заинтересованности. Во-вторых, судья в ходе рассмотрения дела может оставить без внимания обстоятельства, которые позволят установить объективную истину по делу, с целью вынести удовлетворяющее взяткодателя решение. В свою очередь в статье 12 рассматриваемого документа закреплено следующее положение: «А которой дяк нороя кому по посулом, или по дружбе, или кому мстя недружбу, велит судное дело подьячому написати не так, как в суде было, и как в прежней записке за исцовою и за ответчиковою рукою написано» [34]. В рамках данной нормы речь идет о злоупотреблении должностными полномочиями путем искажения сведений, отражаемых в судебных документах или подделке таких документов. Таким образом, Соборное Уложение 1649 года, хотя и является одним из первых нормативно-правовых актов, которые уделяют внимание вопросам злоупотребления должностными полномочиями, однако, делает это пока только в рамках сферы судебной власти.

Свое развитие положения об уголовной ответственности должностных лиц нашли в тексте Артикула воинского 1715 года, который учитывал законодательные наработки прошлых лет, а также европейский опыт построения уголовного законодательства. В рамках данного исследования нас интересует несколько положений. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

Артикул 69-ый содержал следующее положение: «Никто из офицеров, кто бы он ни был, да не имеет власти своих ундер-офицеров или салдат, которые в ротех уже записаны» [4]. При помощи данной нормы законодатель закреплял ответственность за освобождение подчиненных от обязанностей военной службы. Примечательным является тот факт, что современное отечественное законодательство относит данное преступление к преступлениям против военной службы. Хотя с учетом специфики Артикула воинского все преступления посягали на интересы военной службы.

Однозначно можно сделать вывод, что рассмотренный состав преступления содержит признаки должностного преступления. В Артикуле 184-м закреплена следующая норма: «Ежели кто подарков, прибыли или ползы себе ради чрез караул кого пропустит, где не надлежит пропускать, оного надлежит повесить» [4]. В рамках данной нормы речь идет о специальных полномочиях караульного, который действует вопреки интересам службы с целью получение материальной или иной личной выгоды.

Артикул 194-ый содержал в себе текст следующего содержания: «Кто его величества или государственных деньги в руках имея, из оных несколько утаит, украдет, и к своей пользе употребит, и в расходе меньше записано и сочтено будет, нежели что он получил» [4]. Ориентируясь на современное отечественное законодательство, можно сопоставить указанный состав с присвоением и растратой. Здесь преступное деяние закрепляется в том, что лицо, используя свои должностные полномочия, расходует вверенные ему денежные средства вопреки интересам службы, либо, руководствуясь своими корыстными целями, неправомерно изымает их в свою собственность.

В целом можно отметить, что в рамках Артикула воинского 1715 года законодатель несколько расширил круг совершаемых преступлений, но все равно оставил без должного внимания ряд деяний, которые потенциально можно было бы отнести к числу уголовно-наказуемых. Отдельно можно добавить, что если ранее внимание уделялось только сфере правосудия, то в рамках рассмотренного нормативно-правового акта основное внимание уделяется должностным преступлениям в сфере военной службы. Законодатель предусматривал весьма суровые наказания за совершение указанных преступления, поскольку качество кадров военной службы напрямую оказывало влияние на обороноспособность государства. Наказанием за совершение рассмотренных преступлений могли стать разжалование или смертная казнь.

Следующий интересующий нас документ был принят в эпоху правления Екатерины II. «Новый Устав благочиния 1782 года проводил градацию

должностных преступлений. Это указывает на то обстоятельство, что проблема должностных преступлений становится все более актуальной, поэтому законодатель уделяет ее разработке особое внимание» [5]. В рамках данного нормативно-правового акта можно выделить следующие преступления:

- «неисполнение служебных обязанностей;
- взяточничество;
- утайка информации, которая имеет значение для следствия;
- упущение из под стражи» [43].

Если исходить исключительно из текста Устава, то можно провести градацию преступлений на три группы: «упущение должности, неисполнение должности и злоупотребление должности. Первая из обозначенных групп включает в себя преступную халатность уполномоченного субъекта, когда его деяния противоречат интересам службы по причине его небрежного отношения к возложенным обязанностям. Примером такой халатности может стать побег из под стражи» [43]. Неисполнение должности подразумевает, что лицо в рамках своих должностных полномочий должно было осуществить то или иное действие, но в силу определенных обстоятельств воздержалось от совершения действий, что привело к причинению вреда интересам службы. Примером здесь может стать получение взятки. Третья группа включает деяния, когда лицо, напротив, совершает определенные действия в рамках реализации властных полномочий, но делает это вопреки интересам службы.

Следующий документ, который мы рассмотрим в рамках данного исследования, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Данный нормативно-правовой акт содержит следующие составы должностных преступлений: мздоимство и лихоимство [42]. Первый состав, по сути, представлял собой получение взятки. В свою очередь лихоимство заключалось также в получении дара, но оказываемая в пользу дарителя услуга выходила за пределы должностных полномочий преступника. Оба состава не акцентировали внимание на конкретном виде службы и сфере деятельности,

заклучались в неправомерном получении вознаграждения за выполнение услуг, которые противоречили интересам службы. При этом отличие заключалось только в том действовал ли преступник в рамках своих должностных полномочий или выходил за их пределы.

Последним нормативно-правовым актом дореволюционного периода отечественной истории, на котором мы остановим свое внимание, является Уголовное уложение 1903 года. Здесь законодатель попытался отразить отдельные признаки, характеризующие субъект должностных преступлений. В статье 636-ой было предусмотрено следующее содержание: «почитается всякое лицо, несущее обязанности или исполняющее временное поручение по службам государственной или общественной, в качестве должностного лица или полицейского или иного стража или служителя или лица сельского или мещанского управления» [38]. Анализируя представленное положение, мы не можем не отметить того факта, что это является, по сути, первой и весьма успешной попыткой внедрения подобной конструкции в отечественное уголовное законодательство.

Делая промежуточный вывод в рамках проведенного исследования, мы можем отметить следующее. Дореволюционное отечественное законодательство признавало ответственность за совершение должностных преступлений. С ростом числа коррупционных деяний законодатель уделял внимание поиску решения проблемы посредством закрепления соответствующих составов. Как правило, законодателем закреплялась ответственность за получение подарка, денег или иной выгоды, которые побудили должностное лицо в рамках реализации своих полномочий совершить то или иное деяние. Однако, без внимания не остались вопросы хищения вверенных по долгу службы денежных средств и имущества, поскольку данная проблема постепенно также все больше приобретала актуальное значение.

Революционные события, которые произошли в России начала двадцатого века, привели к тому, что вся правовая система была уничтожена,

поскольку не соответствовала новым государственным ценностям. В результате чего нормативно-правовая база разрабатывалась заново. В своем исследовании А.В. Семенюк указывает на то обстоятельство, что «в период с 1917 по 1922 год правоотношения регулировались разнообразными декретами и постановлениями Советов депутатов. При этом автором было обращено внимание на тот факт, что положениями указанных актов не регламентировались вопросы уголовной ответственности за совершение должностных преступлений» [32]. На наш взгляд, данное обстоятельство можно объяснить тем, что законодательные органы должны были решить вопросы первостепенного значения и отладить правовые механизмы, которые бы позволили обеспечить безопасность в государстве и привлечь к ответственности всех политических преступников.

Регламентация тех или иных правоотношений посредством принятия многочисленных нормативно-правовых актов создало необходимость кодификации столь обширного законодательства. По этой причине в 1922 году был разработан и вступил в силу Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. Указанный документ содержал отдельную главу, которая именовалась «Должностные (служебные) преступления». В примечании к статье 105 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года было закреплено понятие должностного лица. «Под должностными лицами понимаются лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач» [40]. Анализируя представленное определение, можно сделать вывод относительно того факта, что законодатель весьма подробно отразил признаки должностного лица. В рамках указанной главы законодатель закрепил следующий список должностных (служебных) преступлений:

- «злоупотребление властью;

- превышение власти;
- бездействие власти;
- халатное отношение к службе;
- дискредитирование власти;
- постановление неправосудного приговора;
- присвоение денежных средств и иных материальных благ;
- получение взятки;
- служебный подлог;
- разглашение охраняемой законом информации» [40].

«Стоит отметить, что законодатель закрепил достаточно объемный перечень должностных преступлений. Однако, мы можем наблюдать некоторые несовершенства в построении составов указанных преступлений. Так, весьма сомнительным, на наш взгляд, является использование формулировки «превышение власти». Не совсем понятно, каким образом, можно осуществить такое деяние. Куда более лексически выверенной является современная формулировка «превышение должностных полномочий». Если же отойти от лексической оценки закрепленной в уголовном законодательстве системы должностных преступлений, то можно отметить, что первая попытка выглядит весьма успешно и включает в себя различные составы. Это свидетельствует о подробной проработке вопроса и анализе практики использования должностных положений вопреки интересам службы» [25].

«Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 года из статьи 112 УК РСФСР 1926 года было исключено указание на дисциплинарное взыскание за злоупотребление властью. Ранее такие деяния, совершенные без отягчающих обстоятельств, не считались преступными. Закон от 28 мая 1928 года признал все эти деяния легкими преступлениями, однако содержал такую оговорку: если служебное упущение или проступок по степени серьезности не требует применения мер наказания, то возможно считать его не преступлением, а проступком, влекущим ответственность в порядке подчиненности» [2].

Последующие военные события и восстановления страны заставили сфокусироваться законодателя на более значимых вопросах того времени, поэтому до 1960 года каких-либо новелл в сфере противодействия должностным преступлениям предусмотрено не было. Нужно отметить, что политический курс смещался от применения репрессивных мер в сторону демократизации. Такие изменения неизбежно должны были найти свое отражение в законодательстве. Актуализация уголовного законодательства произошла в 1960 году, когда вступил в силу новый кодекс. Законодатель использовал прошлые наработки, поэтому мы можем вновь наблюдать отдельную главу, содержание которой было посвящено должностным преступлениям. При этом их перечень претерпел некоторые изменения. На данном этапе к их числу законодатель относил:

- «злоупотребление властью или служебным положением;
- превышение власти или служебного положения;
- халатность;
- получение взятки;
- дача взятки;
- посредничество во взяточничестве;
- должностной подлог;
- нарушение антимонопольного законодательства» [41].

Можно отметить, что законодатель уделил пристальное внимание вопросам взяточничества. Проблема здесь заключается в том, что субъектом данного преступления могло выступать любое лицо, независимо от наличия у него должностных полномочий. В дальнейшем законодатель устранил эту ошибку, обозначив составную главу как «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Последующее развитие уголовного законодательства происходит уже в современной России, поэтому мы рассмотрим актуальные положения в последующих параграфах.

Обобщая все вышеизложенное, мы можем сделать следующий вывод. Дореволюционное отечественное законодательство признавало ответственность за злоупотребление должностными полномочиями. С ростом числа коррупционных деяний законодатель уделял внимание поиску решения проблемы посредством закрепления составов, предусматривающих ответственность за осуществление должностных полномочий вопреки интересам службы и в целях получения личной имущественной или иной выгоды, в том числе за злоупотребление должностными полномочиями. Однако, без внимания не остались вопросы хищения вверенных по долгу службы денежных средств и имущества, поскольку данная проблема постепенно также все больше приобретала актуальное значение. Советское уголовное законодательство с момента его кодификации предусматривало отдельную главу, посвященную должностным преступлениям, в которых, так или иначе, поднимались вопросы злоупотребления должностными полномочиями. В ней было раскрыто понятие должностного лица, а также был предусмотрен весьма обширный перечень преступлений, который в дальнейшем был взят за основу построения главы современного Уголовного кодекса, посвященной ответственности за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

1.2 Понятие и признаки должностного лица как субъекта преступления по действующему законодательству

Действующее законодательство предусматривает легальное определение понятия должностное лицо в Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Поскольку наше исследование затрагивает исключительно вопросы уголовной ответственности должностного лица, то мы будем руководствоваться тем определением, которое предусматривает Уголовный

кодекс Российской Федерации. В частности, нас интересует примечание к статье 285 Уголовного кодекса. «Должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами (золотая акция), а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации» [39]. Именно этим определением необходимо руководствоваться при анализе статуса лица на предмет соответствия признакам субъекта злоупотребления должностными полномочиями.

В первую очередь законодатель обращает внимание на то обстоятельство, что должностным лицом осуществляется определенный функционал. Его содержание может быть определено функциями представителя власти, а также организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями. Характеристика указанных

функция раскрывается Пленумом Верховного Суда в постановлении «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Верховный Суд указывает на то обстоятельство, что «к лицам, обладающим функциями представителя власти, следует относить лиц, которые наделены правами и обязанностями, предоставленными для реализации функций органов власти, то есть, обладающие распорядительными полномочиями в отношении лиц, которые не находятся от них в служебной или трудовой зависимости, либо обладающие правом принимать решения, которые обязательны для исполнения физическими и юридическими лицами» [29]. В целом разъяснения Верховного Суда позволяют сузить и конкретизировать понимание относительно представителя власти в рамках категории «должностное лицо». В отсутствии конкретики мы можем рассматривать представителя власти как любое лицо, обладающее властными полномочиями в отношении другого лица. Поэтому мы считаем возможным с учетом положений постановления Пленума, дополнить понятие «должностное лицо» указанием на то, что в рамках его содержания рассматривается именно представитель государственной или муниципальной власти. Поскольку понятие государственная власть объединяет в себе федеральную государственную власть и государственную власть субъектов Российской Федерации, таким образом, удастся отразить все уровни публичной власти в рамках исследуемого понятия.

«Под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и так далее» [29]. Таким образом, возможность реализовать соответствующие

функции подразумевает, что лицо обладает специальными полномочиями. Сущность таких полномочий заключается в том, что их обладатель принимает юридически-значимые решения в отношении третьих лиц. Наглядным примером являются полномочия эксперта, который в ходе своего исследования делает вывод о физическом или психическом состоянии лица, который в дальнейшем будет лежать в основе решения о признании такого лица недееспособным.

Следует отметить тот факт, что в некоторых случаях суды при анализе полномочий лица, могут толковать понятие организационно-распорядительных полномочий весьма широко, выходя за пределы, обозначенные Пленумом Верховного Суда. Так, в материалах уголовного дела было установлено, что «Д. работала заведующей общежития. При анализе ее полномочий суд отметил, что она осуществляла руководство персоналом общежития, занималась заселением новых жителей. На основании указанных обстоятельств судом был сделан вывод, что Д. обладала организационно-распорядительными полномочиями, поэтому ее признали должностным лицом. Однако, суд не учел того факта, что реализуемые ей функции не порождали юридических последствий. Поэтому решение суда было необоснованно» [8]. При решении вопроса относительно признания подсудимым должностным лицом, суду необходимо проанализировать все акты, которые определяют правовой статус подсудимого. Сюда можно отнести служебные инструкции, распоряжения руководства и так далее. В представленном примере у коменданта общежития отсутствовала возможность создавать юридические последствия в отношении подконтрольных и иных лиц. Поэтому принятое судом решение, на наш взгляд, является ошибочным.

«Административно-хозяйственные функции определяются полномочиями лица по управлению и распоряжению материальными благами (например, имущество, денежные средства), которые находятся в собственности или на балансе организаций, а также государственных или

муниципальных учреждений» [29]. Примером административно-хозяйственных функций, реализуемых в рамках превышения должностных полномочий, является следующая ситуация. Лицо обладает возможностью распределять служебные автомобили между сотрудниками службы, но делает это не исходя из интересов службы, а руководствуясь личными мотивами, использует автомобили самостоятельно, либо передает сотрудникам для исполнения личных поручений.

Законодатель указывает, что должностное лицо может осуществлять обозначенные функции постоянно, временно или в рамках специального назначения. Комментируя данное положение, Д.А. Смирных обращает внимание на то обстоятельство, что законодатель не учитывает возможность разового осуществления обозначенных функций [33]. Мы не согласны с заявленной позицией, так как, законодатель использует следующую формулировку относительно реализуемых функций «постоянно, временно или по специальному полномочию». Таким образом, законодатель обозначает, что не связывает статус должностного лица с конкретным темпоральным критерием. Указание на временность или специальное назначение позволяет нам толковать указанное положение таким образом, чтобы его содержание охватывало и единоразовую реализацию функций должностного лица. Поэтому вышеуказанное замечание автора не совсем уместно.

Предложенное в Уголовном кодексе Российской Федерации определение должностного лица подвергается критике среди исследователей, в частности по той причине, что оно не упоминает авторитет в качестве его основополагающего признака. Обращаясь к исследованиям по данной теме, В.А. Проторова рассматривает авторитет в качестве «влияние и власть, которым пользуется лицо, совершая должностное преступление» [30]. Сам по себе авторитет весьма обширное понятие, которое может рассматриваться в качестве признания статуса, мудрости, жизненного опыта или иных качеств лица. Поэтому можно разделить авторитет в зависимости от тех качеств, которые вызывают уважение и согласие подчиняться авторитетному лицу. Это

позволяет нам выделить статусный авторитет, который основан на осуществляемых лицом обязанностях в рамках выполнения своих трудовых или служебных функций. Именно о нем пишут авторы, выступающие за необходимость отнесения его к числу признаков должностного лица. Однако, статусный авторитет вполне может быть основан и на служебном положении лица, что будет выходить за пределы признаков, характеризующих должностное лицо. Поэтому, на наш взгляд, включение признака авторитета в законодательное определение понятия «должностное лицо» не требуется.

Законодатель раскрывает понятие «должностное лицо» путем перечисления органов, учреждений и организаций, где им могут быть реализованы его функции. В указанном списке можно встретить упоминание акционерных обществ, но при этом соответствующее упоминание отсутствует в отношении обществ с ограниченной ответственностью. Если мы обратимся к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью, а именно к статье седьмой, то встретим следующее положение: «государственные органы и органы местного самоуправления не вправе выступать участниками обществ, но только в случае, если иное не установлено федеральным законом» [45].

Данная норма имеет общий характер, но при этом допускает возможность закрепления в федеральном законодательстве специального правила, которое допустит возможность участия органов государственной власти и местного самоуправления в качестве участников обществ с ограниченной ответственностью. Более того, мы можем привести пример такого исключения.

В статье 68-ой Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» заявлено следующее: «представительные органы муниципальных образований для совместного решения вопросов местного значения могут принимать решения об учреждении межмуниципальных хозяйственных обществ в форме

непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью» [46].

Поскольку мы видим, что законодатель не только формально допускает исключения из общего правила, но и конкретный пример их закрепления, то ситуация, когда органы государственной власти или местного самоуправления будут выступать участниками обществ с ограниченной ответственностью вполне возможна.

В связи с этим мы видим необходимость включить упоминание об обществах с ограниченной ответственностью в первое примечание к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации.

При этом необходимо указать, что одним из учредителей такой организации должны выступать органы государственной власти или органы местного самоуправления.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, дореволюционное отечественное законодательство признавало ответственность за злоупотребление должностными полномочиями.

С ростом числа коррупционных деяний законодатель уделял внимание поиску решения проблемы посредством закрепления составов, предусматривающих ответственность за осуществление должностных полномочий вопреки интересам службы и в целях получения личной имущественной или иной выгоды, в том числе за злоупотребление должностными полномочиями.

Однако, без внимания не остались вопросы хищения вверенных по долгу службы денежных средств и имущества, поскольку данная проблема постепенно также все больше приобретала актуальное значение.

Советское уголовное законодательство с момента его кодификации предусматривало отдельную главу, посвященную должностным преступлениям, в которых, так или иначе, поднимались вопросы злоупотребления должностными полномочиями.

В ней было раскрыто понятие должностного лица, а также был предусмотрен весьма обширный перечень преступлений, который в дальнейшем был взят за основу построения главы современного Уголовного кодекса, посвященной ответственности за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Во-вторых, легальное определение понятия должностное лицо предусмотрено статьей 285 Уголовного кодекса Российской Федерации. Для его совершенствования мы видим необходимость включить упоминание об обществах с ограниченной ответственностью.

При этом следует указать, что одним из учредителей такой организации должны выступать органы государственной власти или органы местного самоуправления.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика злоупотребления должностными полномочиями

2.1 Объект и объективные признаки преступления

Уголовно-правовая характеристика любого преступления определяется путем характеристики его объективных и субъективных признаков состава преступления. Традиционно в уголовном праве объективными признаками преступления принято считать объект и объективную сторону преступления. Объектом преступления является группа общественных отношений, которым причиняется ущерб в результате совершения преступления. Основным непосредственным объектом злоупотребления должностными полномочиями являются «общественные отношения, обеспечивающие правильную деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, органов военного управления» [7]. Опираясь на структуру Уголовного кодекса Российской Федерации, мы можем сделать вывод, что законодатель определяет основной непосредственный объект рассматриваемого преступления как общественные отношения, обеспечивающие охрану государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Предложенная автором вариация непосредственного объекта является более широкой трактовкой предусмотренного законодателем варианта, что никак не влияет на его содержание, поэтому допустимы оба обозначенных варианта.

Помимо основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного статьей 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, причиняет вред и другим охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Стоит отметить, что в научной литературе существуют различные точки зрения относительно данного вопроса. Так, в исследовании за авторством М.И. Утиной в качестве дополнительного объекта указываются «отношения по охране конституционных прав и свобод человека и

гражданина, а также экономические интересы граждан, организаций и государства» [44]. В свою очередь С.С. Кочедыков указывает, что «дополнительным объектом являются любые охраняемые уголовным законом права, которым причиняется существенный вред» [18]. Рассматривая данный вопрос, стоит отметить, что в части первой статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве обязательных последствий заявлено существенное нарушение прав и законных интересов граждан либо охраняемых законом интересов обществ или государства. В этой связи позиция М.И. Утиной видится весьма узкой, поскольку она заявляет только об экономических интересах, при этом совсем оставляет без внимания интересы общества. Поэтому нам видится более полной и соответствующей тексту закона позиция С.С. Кочедыкова. Поэтому мы можем резюмировать, что дополнительным непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются отношения по охране прав и свобод человека, гражданина и организаций, а также интересы общества и государства.

Объективная сторона преступлений с материальным составом характеризуется тремя обязательными признаками: непосредственно само преступное деяние, последствия и причинно-следственная связь между ними. Пленум Верховного Суда обращает внимание, что преступное деяние характеризуется следующими обстоятельствами. «Лицо совершает действие (бездействие) в пределах своей компетенции вопреки интересам службы. То есть, обладая определенными должностными полномочиями, лицо осуществляет деяние, которое, хотя и находится в рамках его компетенции, но при этом по своей сути противоречит интересам государства и (или) службы, поскольку в его основе лежит корыстная или иная личная заинтересованность» [29]. Как уже отмечалось ранее, в качестве последствия злоупотребления должностными полномочиями законодатель предусматривает существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Следует обратить внимание, что критерий «существенный вред» является оценочным. Пленум

Верховного Суда предпринимает попытку разъяснить данный вопрос и отмечает, что «существенным нарушением необходимо считать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации» [29]. Судебная практика исходит из того, что существенность вреда должна оцениваться судом, исходя из конкретных обстоятельств дела, а также применительно к каждому потерпевшему [15]. То есть, суду при рассмотрении дела о злоупотреблении должностными полномочиями необходимо учитывать положение потерпевшего, чтобы применительно к нему заявить о существенности причиненного вреда.

Использование такого подхода при определении наступивших последствий имеет неоднозначный характер. Так, можно встретить мнение, что используемые формулировки «существенное нарушение» и «тяжкие последствия» позволяют придать нормам уголовного права гибкости и динамики. Это позволит им сохранять актуальность в условиях быстроразвивающихся общественных отношений. Подобный подход позволяет им оставаться универсальными, поскольку иной вариант в виде закрепления конкретного перечня последствий в рамках данного состава преступлений на практике невозможен [9]. Другими авторами отмечается, что подобный подход размывает рамки преступного и иного противоправного поведения, расширяя рамки правоприменителя до такой степени, что он практически занимает роль законодателя при решении данного вопроса [36]. На наш взгляд, основная проблема заключается в том, что использование оценочной формулировки в тексте закона повышает влияние субъективного фактора и может стать препятствием для принятия справедливого решения по делу. При этом мы не можем не согласиться с тем, что предусмотреть в тексте закона все возможные обстоятельства, когда суд может признать нарушение прав и интересов существенными. Возможным решением вопроса станет обобщение судебной практики с целью выделить наиболее типичные примеры

существенного нарушения прав и интересов, которые станут ориентиром для судов при рассмотрении дел о превышении должностных полномочий.

Рассматривая материалы судебной практики по делам о злоупотреблении должностными полномочиями, в первую очередь следует отметить, что суды неоднозначно оценивают репутационный вред. Так, в кассационном определении СК по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции было отмечено, что подрыв авторитета органа власти при отсутствии иных существенных нарушений прав и интересов, не может быть признан существенным вредом, соответственно квалификация по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации недопустима [10]. В другом схожем деле судом было обращено внимание на общественный резонанс, к которому привели действия подсудимого. Об этом свидетельствовали показания свидетелей, указывающие на то обстоятельство, что о произошедшем знали все жители района. Поэтому содеянное было квалифицировано по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации [12]. Таким образом, мы можем сделать следующий вывод. Репутационный вред можно рассматривать в качестве последствия существенного нарушения прав и интересов в рамках превышения должностных полномочий при отсутствии других последствий, только при наличии широкого общественного резонанса. Это обстоятельство можно подтвердить при помощи публикаций в средствах массовой информации и показаний свидетелей. При этом суду надлежит учитывать масштаб резонанса. Например, если репутационный вред был причинен органу местного самоуправления, то общественный резонанс в рамках соответствующего муниципального образования можно рассматривать как подтверждение существенности нарушения.

В том случае, когда речь идет о материальном вреде, суды сопоставляют причиненный вред с материальным положением потерпевшего или его бюджетом. Так, в Кассационном определении СК по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции для определения существенности нарушения суд сопоставил причиненный вред годовому

обороту коммерческой организации, которая пострадала в результате совершения преступления [13]. Таким образом, мы предлагаем судам при определении существенности материально вреда по делам о злоупотреблении должностными полномочиями исходить из годового бюджета пострадавшего. Это может быть годовой бюджет органа государственной власти и органа местного самоуправления, годовой оборот организации, либо годовой доход физического лица. Если в соотношении с ним причиненный вред можно оценивать как существенный (например, 10 процентов от него), то квалифицировать содеянное можно по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Примечательным является тот факт, что в рассматриваемой статье говорится об интересах государства. При этом, обращаясь к судебной практике, мы видим, что суды не рассматривают в качестве основания существенное нарушение интересов других государств для привлечения к ответственности за злоупотребление должностными полномочиями. Так, прокурор обосновано отказал в уголовном преследовании по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, учитывая, что деяниями лица был причинен существенный вред Украине и Министерству обороны Украины. Российская Федерация не отвечает за уголовное преследование лица Украиной, если иное не предусмотрено международным договором [26]. Соответственно, указывая на существенное нарушение интересов государства, законодатель имеет ввиду только Российскую Федерацию. В исключительных случаях это могут быть и другие государства при условии наличия соответствующего международного договора.

Подводя промежуточные итоги исследования, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, основной непосредственный объект злоупотребления должностными полномочиями являются общественные отношения, обеспечивающие охрану государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Во-вторых, использование оценочной формулировки «существенное нарушение» в тексте закона повышает влияние субъективного фактора и может стать препятствием для принятия справедливого решения по делу. При этом мы не можем не согласиться с тем, что предусмотреть в тексте закона все возможные обстоятельства, когда суд может признать нарушение прав и интересов существенными. Возможным решением вопроса станет обобщение судебной практики с целью выделить наиболее типичные примеры существенного нарушения прав и интересов, которые станут ориентиром для судов при рассмотрении дел о превышении должностных полномочий.

В-третьих, репутационный вред можно рассматривать в качестве последствия существенного нарушения прав и интересов в рамках превышения должностных полномочий при отсутствии других последствий, только при наличии широкого общественного резонанса. Это обстоятельство можно подтвердить при помощи публикаций в средствах массовой информации и показаний свидетелей. При этом суду надлежит учитывать масштаб резонанса. Например, если репутационный вред был причинен органу местного самоуправления, то общественный резонанс в рамках соответствующего муниципального образования можно рассматривать как подтверждение существенности нарушения.

2.2 Субъективные признаки преступления

Традиционно в качестве субъективных признаков состава преступления принято выделять субъект и субъективную сторону. В рамках данного параграфа мы не будем подробно рассматривать признаки субъекта преступления, поскольку мы детально рассмотрели их в предыдущей главе. Отдельно можно добавить, что в качестве квалифицирующего признака часть вторая статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации указывает специальный субъект – лицо, занимающее государственную должность или должность главу органа местного самоуправления. Такое решение

обусловлено тем, что соответствующие должности обладают широким перечнем полномочий, что повышает общественную опасность деяния. Более того, злоупотребление должностными полномочиями указанными лицами причиняет особый репутационный ущерб органам власти.

Рассматривая субъективную сторону, в первую очередь необходимо обратить внимание на такой признак как вина. Злоупотребление должностными полномочиями совершается только умышленно. То есть, преступление совершается с прямым или косвенным умыслом [22]. Рядом авторов отмечается, что «помимо осознания субъектом общественной опасности своего деяния, должно иметь место также осознание общественной опасности поведения подчиненных, или иных, не подчиненных по службе лиц, реализующих управленческое решение» [17]. Если злоупотребление совершается с неосторожной формой вины, то содеянное не может квалифицироваться по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации. В этом случае будет иметь место дисциплинарный проступок.

«Другим обязательным признаком субъективной стороны рассматриваемого преступления является мотив. Законодатель указывает, что преступление должно быть совершено из корыстной или иной личной заинтересованности. В том случае, когда данный признак отсутствует, квалификация по статье 285 Уголовного кодекса исключается. Эту позицию мы можем наблюдать в материалах судебной практики» [23].

Корыстная заинтересованность представляет собой желание лица получить имущественную выгоду для себя или третьих лиц. «На практике корыстная заинтересованность может иметь различные проявления: использование вверенного имущества вопреки целевому назначению, получение имущественных льгот, освобождение от имущественных обязательств, получение низкого процента по кредиту, приобретение имущества вопреки установленной законом и иными правилами процедуре и так далее» [31]. Наглядным примером корыстной заинтересованности может служить следующий пример из судебной практики. Так, Б. был признан судом

виновным в превышении должностных полномочий. Как было указано судом, корыстная заинтересованность Б. проявилась в том, что он вопреки нормам уголовно-процессуального законодательства незаконно получал доступ к вещественным доказательствам и использовал их в личных целях [16]. Соответственно, суду, принимая решение о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного статьей 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, необходимо указать обстоятельства, которые позволили сделать вывод относительно того, что деяние совершено ввиду корыстной заинтересованности.

Помимо корыстной заинтересованности законодатель допускает совершение рассматриваемого преступления ввиду личной заинтересованности. Если понятие корыстной заинтересованности в целом не вызывает сложностей в процессе правоприменительной деятельности, то понятие личной заинтересованности вызывает споры и разночтения. Пленум Верховного Суда разъясняет, что личная заинтересованность выражается в желании лица получить выгоду неимущественного характера. Рассмотрим несколько примеров из судебной практики.

Так, «Я., находясь на должности главы сельсовета, подписала акты выполнения работ. При этом в ходе следственных мероприятий было установлено, что подтвержденные актом работы фактически не были выполнены. Суд установил, что действия Я. были основаны на личной заинтересованности, которая заключалась в желании избежать неблагоприятных последствий на службе ввиду неисполнения своих обязанностей» [22]. В аналогичном деле к ответственности был привлечен оперативный дежурный РОВД, который злоупотребил своими полномочиями путем сокрытия поступившего заявления о краже. Указанные действия были совершены для того, чтобы создать видимость благоприятной криминогенной обстановки на подконтрольной территории [24]. Помимо стремления повысить свой авторитет у руководства и избежать неблагоприятных последствий на службе, причиной совершения преступлений ввиду личной

заинтересованности может стать личное отношение с другим лицом. Например, судом было установлено, что М отказался принимать к регистрации заявление С., руководствуясь надуманными обстоятельствами, ввиду личной неприязни к С. Тем самым было нарушено право С. на доступ к правосудию. Деяние М. было квалифицировано как злоупотребление должностными полномочиями [3]. При этом судам необходимо установить при помощи показаний свидетелей и иных доказательств, наличие взаимоотношений между подсудимым и другим лицом, побудивших его к совершению преступления. Отдельно можно отметить, что для квалификации не имеет значения негативные или положительные отношения побудили подсудимого к злоупотреблению должностными полномочиями.

Таким образом, обобщая материалы судебной практики, рекомендуется разъяснить судам, что личная заинтересованность может быть обусловлена различными обстоятельствами нематериального характера. К их числу можно отнести: желание избежать неблагоприятные последствия на службе, желание заработать авторитет у руководства, личные взаимоотношения с одним или несколькими лицами, желание увеличить трудовой стаж другому лицу, нежелание исполнять свои служебных обязанностей и иные обстоятельства. При этом суду надлежит отразить в приговоре, в чем именно была выражена личная заинтересованность и какими доказательствами ее наличие было подтверждено.

Обобщая все вышеизложенное в рамках данной главы, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, использование оценочной формулировки «существенное нарушение» в тексте закона повышает влияние субъективного фактора и может стать препятствием для принятия справедливого решения по делу. При этом мы не можем не согласиться с тем, что предусмотреть в тексте закона все возможные обстоятельства, когда суд может признать нарушение прав и интересов существенными. Возможным решением вопроса станет обобщение судебной практики с целью выделить наиболее типичные примеры

существенного нарушения прав и интересов, которые станут ориентиром для судов при рассмотрении дел о превышении должностных полномочий.

Во-вторых, репутационный вред можно рассматривать в качестве последствия существенного нарушения прав и интересов в рамках превышения должностных полномочий при отсутствии других последствий, только при наличии широкого общественного резонанса. Это обстоятельство можно подтвердить при помощи публикаций в средствах массовой информации и показаний свидетелей. При этом суду надлежит учитывать масштаб резонанса. Например, если репутационный вред был причинен органу местного самоуправления, то общественный резонанс в рамках соответствующего муниципального образования можно рассматривать как подтверждение существенности нарушения.

В-третьих, мы предлагаем судам при определении существенности материально вреда по делам о злоупотреблении должностными полномочиями исходить из годового бюджета пострадавшего. Это может быть годовой бюджет органа государственной власти и органа местного самоуправления, годовой оборот организации, либо годовой доход физического лица. Если в соотношении с ним причиненный вред можно оценивать как существенный (например, 10 процентов от него), то квалифицировать содеянное можно по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Глава 3 Злоупотребление должностными полномочиями: проблемы квалификации и отграничения от смежных составов преступлений

Наиболее схожи между собой злоупотребление и превышение должностных полномочий. В связи с этим чаще всего правоприменители в результате квалификационной ошибки могут подменить один состав другим. При разграничении составов первую очередь следует обратить внимание на диспозиции статей 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации. Из их содержания можно сделать вывод, что существенным различием указанных преступлений является тот факт, что злоупотребление совершается в рамках обозначенных должностными инструкциями и иными актами полномочий, а превышение подразумевает выход за их пределы. Таким образом, для правильной квалификации необходимо подробно изучить нормативную основу правового статуса должностного лица, с целью установления максимально точного круга прав и обязанностей лица. Уже после этого необходимо провести анализ на предмет соответствия совершенного действия должностным полномочиям.

Пленум Верховного Суда обращает внимание на еще одно отличие рассматриваемых составов преступлений. «Злоупотребление должностными полномочиями может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия. В свою очередь превышение должностных полномочий может быть совершено только в форме действия» [29]. Объяснить данное обстоятельство можно тем, что превышение осуществляется именно в активной форме. Бездействие, как форма поведения, не подразумевает выхода за пределы обозначенных полномочий. Поэтому в момент возникновения спорной ситуации при квалификации, правоприменителю необходимо учитывать, что в случае осуществления преступного деяния в форме бездействия, вариант с квалификацией содеянного по статье 286 Уголовного кодекса Российской Федерации не допускается.

Отдельно стоит обратить внимание на то обстоятельство, что у судов отсутствует единое мнение относительно возможности переqualифицировать содеянное со статьи 285 Уголовного кодекса РФ на статью 286 Уголовного кодекса РФ. Так, «в ходе судебного заседания судом было установлено, что переqualификация на статью 286 Уголовного кодекса, по которой ему не было предъявлено обвинение, противоречит действующему уголовно-процессуальному законодательству, поскольку фактическая составляющая дела резко отличается» [21]. В аналогичном случае суд установил, что передача мобильного телефона сотрудником исправительного учреждения осужденному, необходимо квалифицировать по статье 286 Уголовного кодекса РФ. Поэтому нижестоящий суд принял верное решение о переqualификации содеянного со статьи 285, на статью 286 Уголовного кодекса РФ [14]. На наш взгляд, необходимо допускать переqualификацию в том случае, если в ходе предварительного расследования правоприменитель ошибочно оценил обстоятельства дела и неверно квалифицировал содеянное. С целью обеспечения единообразия судебной практики необходимо разъяснить судам порядок их действий при возникновении подобной ситуации.

Разграничивая злоупотребление должностных полномочий от иных смежных составов, следует упомянуть преступления против собственности, совершаемые с использованием своего служебного положения. Речь идет о таких составах как мошенничество и присвоение и растрата. Рассматривая отличия мошенничества от превышения должностных полномочий, можно отметить, что мошенничество характеризуется обманом относительно факта совершаемых услуг. При злоупотреблении должностными полномочиями лицо совершает определенное деяние, которое является предметом договоренности с третьим лицом. В случае с присвоением и растратой имеет место быть хищение материальных благ, которые вверены лицу в силу его должностного полномочия. Злоупотребляя должностными полномочиями, лицо не осуществляет незаконного изъятия материальных благ в свою пользу, оно лишь использует их вопреки целям учреждения, где оно проходит службу.

Отдельные сложности возникают у правоприменителя тогда, когда хищение имущества совершается при помощи злоупотребления должностными полномочиями. При этом сложности возникают с теми составами хищения, где использование своего положения не предусмотрено в качестве квалифицирующего признака. В качестве примера приведем схожие по своим обстоятельствам материалы судебной практики, где суды при аналогичных обстоятельствах принимали разные решения. Так, «суды пришли к выводу о том, что злоупотребление явилось способом хищения, в связи с чем, правильно было бы квалифицировать действия виновных лиц по составам хищения с квалифицирующим признаком - с использованием своего служебного положения. Такой квалифицирующий признак предусмотрен двумя составами хищения - мошенничество и присвоение или растрата. В случаях, когда виновные лица с использованием своих должностных полномочий совершают, к примеру, кражи либо грабежи, действия виновных лиц квалифицируются органами предварительного следствия и судами по двум составам - как злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности (либо, как превышение должностных полномочий) и по соответствующему составу хищения» [35]. В другом деле «проверив материалы, обсудив доводы кассационных жалоб, дополнений, возражений и кассационного представления, судебная коллегия приходит к следующему. Вопреки доводам кассационного представления, суд апелляционной инстанции обоснованно исключил из приговора указание об осуждении С., Кол., Кат. и П. по ч. 3 ст. 285 УК РФ, убедительно мотивировал в своем определении. Оснований не согласиться с таким решением судебная коллегия не находит. Поскольку судом по данному делу было установлено, что осужденные формально действовали в пределах своих полномочий, однако по своему содержанию и направленности умысла действовали умышленно из корыстной заинтересованности, с целью получения материальной выгоды путем незаконного изъятия у потерпевшего принадлежащего ему имущества, которое в дальнейшем и было ими реализовано, то есть злоупотребление

должностными полномочиями явилось способом хищения чужого имущества, действия осужденных должны квалифицироваться как хищение и квалификация их действий по ч. 3 ст. 285 УК РФ в данном случае является излишней» [27]. И в первом, и во втором случае суд рассматривает злоупотребление должностными полномочиями в качестве способа хищения. Но в первом случае особый способ хищения побудил судью квалифицировать содеянное по дополнительной статье, а во втором случае, напротив, привел к выводу об излишней квалификации. На наш взгляд, в этом случае необходимо исходить из того, что законодатель не закрепляет в составах кражи и грабежа использование должностного положения в качестве квалифицирующего признака. При этом злоупотребление должностными полномочиями при совершении одного из указанных видов хищения повышает общественную опасность содеянного. В этом случае вред причиняется не только отношениям собственности, но и интересам службы и государства. Игнорировать данный факт при квалификации нельзя, поэтому в отсутствие квалифицирующего признака, вполне обоснованно квалифицировать содеянное по совокупности преступлений.

Разграничивая злоупотребление должностными полномочиями и получение взятки, следует обратить внимание на следующие аспекты. Во-первых, злоупотребление должностными полномочиями совершается с конкретным мотивом. В свою очередь в статье 290 Уголовного кодекса Российской Федерации мотив не указан в качестве обязательного квалифицирующего признака [37]. Во-вторых, злоупотребление является материальным составом, то есть, для квалификации важны последствия преступного деяния. В случае с получением взятки такие последствия отсутствуют, поскольку состав преступления является формальным.

На практике зачастую возникает ситуация, когда правоприменитель ошибочно применяет общую норму, хотя отдельные отношения урегулированы специальной нормой. Так, «Суд признал, что Т., работая старшим дознавателем РОВД и выполняя функции представителя власти, из

личной заинтересованности, желая повысить показатели в работе, злоупотреблял служебными полномочиями, фальсифицируя доказательства по уголовным делам в отношении К. и М., вносил ложные сведения в процессуальные документы, собирая доказательства, не соответствующие действительности. Эти действия Т. повлекли существенные нарушения законных интересов и прав потерпевших на защиту от противоправных посягательств, подрыв авторитета органов внутренних дел и правоохранительных органов в целом. Описанные в приговоре действия Т. в отношении каждого из потерпевших суд квалифицировал по совокупности преступлений: по ч. 1 ст. 285 УК РФ как злоупотребление должностными полномочиями, т.е. использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, совершенное из иной личной заинтересованности и повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан, а также по ч. 2 ст. 303 УК РФ как фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание. Признав Т. виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ, и двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 303 УК РФ, суд неправильно применил уголовный закон, а именно: в нарушение требований ст. 17 УК РФ квалифицировал по совокупности преступлений одни и те же деяния должностного лица, предусмотренные общей (ст. 285 УК РФ) и специальной (ст. 303 УК РФ) нормами, без учета того, что последняя норма представляет частный случай злоупотребления служебными полномочиями специального должностного лица. В соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ в этом случае содеянное следует квалифицировать по ч. 2 ст. 303 УК РФ как специальное должностное преступление против правосудия, а общая норма (ч. 1 ст. 285 УК РФ) подлежит исключению из приговора как излишне вмененная» [20]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что одной из актуальных проблем применения статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации являются сложности, обусловленные наличием в уголовном законе общей и специальной нормы. В этих условиях правоприменителю надлежит

проанализировать все обстоятельства дела и принять решение относительно наличия условий для применения специальной нормы, в иных случаях необходимо проводить квалификацию, используя положение общей нормы.

От части схожим по своему составу является служебный подлог. «Служебный подлог, то есть внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание» [39]. Основная проблема заключается в том, что отсутствует единообразие практики по вопросам квалификации по статьям 285 и 292 Уголовного кодекса РФ в совокупности. Пленум Верховного Суда допускает такую возможность. Однако, в отдельных решениях судов можно встретить несколько иную позицию. «Б., обвиняемый органом предварительного следствия по ст. 292 и ч. 1 ст. 285 УК РФ, осужден по ст. 292 УК РФ. Он признан виновным в том, что, являясь инспектором ДПС ОГАИ района, из иной личной заинтересованности, состоящей в желании повысить показатели работы, внес в постановление-квитанцию о наложении административного штрафа заведомо ложные сведения о совершении гражданином административного правонарушения, тем самым незаконно привлек его к административной ответственности. При постановлении приговора суд исключил как излишне вмененную квалификацию по ч. 1 ст. 285 УК РФ, указав, что поскольку ответственность за допущенное должностным лицом нарушение предусмотрена специальной уголовно-правовой нормой, содеянное подлежит квалификации по этой норме без совокупности со статьями, предусматривающими общие составы должностных преступлений» [24]. При определенных условиях мы можем рассматривать статьи 285 и 292 Уголовного кодекса, как общую и специальную нормы соответственно. Поэтому само по себе внесение заведомо ложных сведений нельзя квалифицировать по указанным статьям в совокупности. Однако, если в процессе доступа к документам, сокрытия следов преступления или в иных

обстоятельствах, сопутствующих совершению преступления, лицо злоупотребит полномочиями для достижения цели, мы допускаем возможность квалификации по совокупности указанных норм.

Определенные сложности у правоприменителей возникают тогда, когда искажающие содержание документа вносятся путем указания подчиненному. То есть, лицо лично не вносило никаких изменений и не утверждало их, однако, в силу злоупотребления должностными полномочиями повлияло на другое лицо. Практика в рамках данного вопроса идет по следующему пути. «Как видно из материалов уголовного дела, осужденный С. сам лично не вносил искажения в официальный документ - табели учета рабочего времени и их не утверждал, табели учета рабочего времени С. были изготовлены и подписаны другими работниками администрации СП по указанию С. Таким образом, злоупотребление С. должностными полномочиями вопреки интересам службы в виде указания своим подчиненным о внесении искажений в официальный документ, не требует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 292 УК РФ. При таких обстоятельствах следует признать, что вывод суда о наличии в действиях осужденного состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 292 УК РФ, противоречит установленным судом фактических обстоятельствам дела, и подлежит исключению из обжалуемого приговора как излишне вмененный» [28]. В целом мы разделяем позицию суда, поскольку, хотя действия подсудимого были направлены на служебный подлог, сделано это было при помощи распорядительных полномочий, обусловленных статусом должностного лица. В свою очередь это позволяет характеризовать деяние, именно как злоупотребление должностными полномочиями. Кроме того, подсудимый сам не участвовал в процессе внесения ложных сведений в документы, что на наш взгляд также влияет на квалификацию.

Ряд авторов обращает внимание на то обстоятельство, что «наименование статьи 295 Уголовного кодекса Российской Федерации не совпадает с ее содержанием. В наименовании речь идет о должностных полномочиях, в то время как в содержании указано о злоупотреблении

служебными полномочиями. Это создает проблемы, поскольку отдельным правоприменителями используется рассматриваемая норма для привлечения к ответственности лиц, злоупотребивших служебными полномочиями. Такой подход неверен и противоречит воле законодателя» [6]. Анализируя позицию автора, в первую очередь стоит отметить на тот факт, что при квалификации необходимо видеть разницу между служебными и должностными полномочиями, несмотря на их схожие признаки. Служебные полномочия шире по своему содержанию, поскольку они характерны для государственных и муниципальных служащих. При этом не все служащие занимают должности государственной или муниципальной службы, которые априори подразумевают наличие должностных полномочий. Соответственно, отождествление данных понятий недопустимо. Возвращаясь к тексту статьи 295 Уголовного кодекса Российской Федерации, мы можем сделать вывод, что никаких грубых нарушений в ее содержании относительно наименования нет, поскольку законодатель указывает, что злоупотребление служебными полномочиями происходит в результате деятельности должностного лица. Таким образом, в статье идет речь о должностных полномочиях, пусть и описываются они при помощи не самой удачной формулировки. Поскольку ее использование в процессе правоприменительной деятельности вызывает ряд проблем, мы видим возможным несколько изменить диспозицию рассматриваемой статьи. В предлагаемой редакции она будет выглядеть следующим образом: «Использование должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы...». Исключение слова «служебных» позволит исключить путаницу, вызванную одновременным указанием на должностные и служебные полномочия.

Другие авторы указывают на необходимость расширения формулировки «использование». Это обусловлено тем, что злоупотребление может быть совершено в форме действия или бездействия. По этой причине необходимо дополнить диспозицию статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации формулировкой «Использование или неиспользование полномочий» [1]. В

этом случае мы не разделяем позицию автору. Для того, чтобы действовать или бездействовать в рамках той или иной ситуации должностному лицу требуется задействовать свои полномочия. Например, в случае, когда следователь неправоммерно отказывает в возбуждении уголовного дела, то есть, бездействует, он использует для этого свои должностные полномочия. Таким образом, использование подразумевает как действие, так и бездействие должностного лица, поэтому дополнительное указание в виде слов «не исполнение» не требуется.

Следует обратить внимание, что для злоупотребления должностными полномочиями предусмотрен особо квалифицирующий признак – деяние повлекло за собой наступление тяжких последствий. Здесь мы опять сталкиваемся с оценочной формулировкой, содержание которой не раскрывается в тексте закона. Некоторые разъяснения по данному вопросу дает Пленум Верховного Суда. «Под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренным частью 3 статьи 285 УК РФ и пунктом в части 3 статьи 286 УК РФ, следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.» [29]. В первую очередь стоит отметить, что не совсем понятно, в чем заключается различие между существенным и значительным материальным ущербом. Исходя из смысла статьи, значительный ущерб превосходит по своему размеру существенный ущерб и также определяется судом с учетом материального положения потерпевшего. Верховный Суд перечисляет лишь некоторые последствия, которые могут быть признаны тяжкими при квалификации. Еще одним примером тяжких последствий является снижение обороноспособности государства. Так, «А. использовал свои служебные полномочия вопреки интересам службы из корыстной заинтересованности, что повлекло существенное нарушение

охраняемых законом интересов государства, выразившееся в неисполнении государственного заказа по ремонту минного оружия (191 минного изделия) и тяжкие последствия в виде причинения материального ущерба государству в сумме около ... рублей, небоеготовности минных изделий, и как следствие снижение обороноспособности флота, куда должны были поставляться изделия, и государства в целом. Окружной военный суд пришел к обоснованному выводу о доказанности вины А. в содеянном и правильно квалифицировал его преступные действия по ч. 3 ст. 285 УК РФ» [11]. То есть, к числу тяжких последствий мы можем отнести ситуации, когда в результате деяния должностного лица создается угроза для безопасности государства, общества или человека. На наш взгляд, здесь необходимо исходить из того, что тяжкие последствия наступают в результате совершения преступлений, отнесенных законодателем к категории тяжких и особо тяжких. Если в результате злоупотребления должностными полномочиями наступило одно из таких последствий, содеянное необходимо квалифицировать по части третьей статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Обобщая все вышеизложенное в рамках данной главы, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, злоупотребление должностными полномочиями схоже по своему составу с превышением должностных полномочий, мошенничеством с использованием должностных полномочий, присвоением и растратой, получением взятки. Наиболее часто при квалификации возникают сложности при разграничении злоупотребления и превышения должностными полномочиями. существенным различием указанных преступлений является тот факт, что злоупотребление совершается в рамках, обозначенных должностными инструкциями и иными актами полномочий, а превышение подразумевает выход за их пределы. Таким образом, для правильной квалификации необходимо подробно изучить нормативную основу правового статуса должностного лица, с целью установления максимально точного круга прав и обязанностей лица. Уже после этого необходимо провести анализ на

предмет соответствия совершенного действия должностным полномочиям. Кроме того, злоупотребление может быть совершено как в активной, так и в пассивной форме, в то время как злоупотребление может быть совершено только в форме действия.

Во-вторых, на практике у судов отсутствует единая позиция относительно возможности переqualифицировать содеянное со статьи 285 на статью 286 Уголовного кодекса Российской Федерации. На наш взгляд, необходимо допускать переqualификацию в том случае, если в ходе предварительного расследования правоприменитель ошибочно оценил обстоятельства дела и неверно квалифицировал содеянное. С целью обеспечения единообразия судебной практики необходимо разъяснить судам порядок их действий при возникновении подобной ситуации.

В-третьих, на практике возникают сложности в процессе применения статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку в ней присутствуют упоминания служебных полномочий. В этой связи происходит отождествление понятий служебных и должностных полномочий, что является неверным. Поскольку использование данной нормы в процессе правоприменительной деятельности вызывает ряд проблем, мы видим возможным несколько изменить диспозицию рассматриваемой статьи. В предлагаемой редакции она будет выглядеть следующим образом: «Использование должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы...».

Заключение

В ходе проведенного исследования предложены рекомендации, направленные на совершенствование статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также практики ее применения.

Отмечено, что использование оценочной формулировки «существенное нарушение» в тексте закона повышает влияние субъективного фактора и может стать препятствием для принятия справедливого решения по делу. При этом мы не можем не согласиться с тем, что предусмотреть в тексте закона все возможные обстоятельства, когда суд может признать нарушение прав и интересов существенными. Возможным решением вопроса станет обобщение судебной практики с целью выделить наиболее типичные примеры существенного нарушения прав и интересов, которые станут ориентиром для судов при рассмотрении дел о превышении должностных полномочий.

Репутационный вред следует рассматривать в качестве последствия существенного нарушения прав и интересов в рамках превышения должностных полномочий при отсутствии других последствий, только при наличии широкого общественного резонанса. Это обстоятельство можно подтвердить при помощи публикаций в средствах массовой информации и показаний свидетелей. При этом суду надлежит учитывать масштаб резонанса. Например, если репутационный вред был причинен органу местного самоуправления, то общественный резонанс в рамках соответствующего муниципального образования можно рассматривать как подтверждение существенности нарушения.

Предложено при определении существенности материально вреда по делам о злоупотреблении должностными полномочиями исходить из годового бюджета пострадавшего. Это может быть годовой бюджет органа государственной власти и органа местного самоуправления, годовой оборот организации, либо годовой доход физического лица. Если в соотношении с ним причиненный вред можно оценивать как существенный (например, 10

процентов от него), то квалифицировать содеянное можно по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Установлено, что личная заинтересованность может быть обусловлена различными обстоятельствами нематериального характера. К их числу можно отнести: желание избежать неблагоприятные последствия на службе, желание заработать авторитет у руководства, личные взаимоотношения с одним или несколькими лицами, желание увеличить трудовой стаж другому лицу, нежелание исполнять свои служебных обязанностей и иные обстоятельства. При этом суду надлежит отразить в приговоре, в чем именно была выражена личная заинтересованность и какими доказательствами ее наличие было подтверждено.

Кроме того, злоупотребление должностными полномочиями схоже по своему составу с превышением должностных полномочий, мошенничеством с использованием должностных полномочий, присвоением и растратой, получением взятки. Наиболее часто при квалификации возникают сложности при разграничении злоупотребления и превышения должностными полномочиями. существенным различием указанных преступлений является тот факт, что злоупотребление совершается в рамках обозначенных должностными инструкциями и иными актами полномочий, а превышение подразумевает выход за их пределы. Таким образом, для правильной квалификации необходимо подробно изучить нормативную основу правового статуса должностного лица, с целью установления максимально точного круга прав и обязанностей лица. Уже после этого необходимо провести анализ на предмет соответствия совершенного действия должностным полномочиям. Кроме того, злоупотребление может быть совершено как в активной, так и в пассивной форме, в то время как злоупотребление может быть совершено только в форме действия.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абрамян Б.А., Москалева Е.Н. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-1 (92). С. 6-9.
2. Ажиба А.Р. Становление уголовной ответственности должностных лиц за преступления против государственной власти и интересов государственной службы по неконфигурированному законодательству РСФСР // Образование и право. 2021. № 11. С. 306-313.
3. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 мая 2017 г. № 80-АПУ17-3 // [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/71684532> (дата обращения: 10.06.2024).
4. Артикул воинский 1715 года // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/articul.htm> (дата обращения: 10.06.2024).
5. Балык П.П. Исторический аспект развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за превышение должностных полномочий // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1 (20). С. 73-79.
6. Бем А.А. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-3. С. 32-34.
7. Боровкова И.С. Объект злоупотребления должностными полномочиями по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 2. С. 51-55.
8. Бриллиантов А.В. Юридически значимые действия и юридические последствия как признак должностного лица // Российский следователь. М. : Юрист. 2010. № 9. С. 6-10.
9. Ерахтина Е.А. Злоупотребления должностными полномочиями: уголовно-правовая характеристика // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 1 (11). С. 144-156.

10. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 апреля 2006 г. № 13-О06-6 // [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/55703919> (дата обращения: 10.06.2024).

11. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2012 г. N 206-О12-3 // [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/70285950> (дата обращения: 10.06.2024).

12. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 48-О10-124 // [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/70185552> (дата обращения: 10.06.2024).

13. Кассационное определение СК по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02 июля 2020 г. по делу № 7У-4034/2020[77-481/2020] // [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/314586498/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.06.2024).

14. Кассационное определение СК по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2020 г. по делу № 7У-1902/2020[77-481/2020] // [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/315077017/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.06.2024).

15. Кассационное определение СК по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2020 г. по делу № 7У-7792/2020[77-1221/2020] // [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/316968476/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.06.2024).

16. Кассационное определение СК по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2020 г. по делу № 7У-6528/2020[77-886/2020] // [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/315609812/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.06.2024).

17. Коростелев В.С. К проблеме субъективной стороны злоупотребления должностными полномочиями // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 73. С. 98-101.

18. Кочедыков С.С., Хрипушин Э.Н. Непосредственный объект посягательства при злоупотреблении должностными полномочиями сотрудниками ФСИН России // Современные тенденции развития науки и технологии. 2016. № 3-6. С. 70-74.

19. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года// [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения 10.06.2024).

20. Обзор кассационной практики СК по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 год // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1687908/> (дата обращения: 10.06.2024).

21. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2007 год // [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/1356853/entry/1> (дата обращения: 10.06.2024).

22. Обзор судебной практики Пензенского областного суда «Практика рассмотрения уголовных дел о преступлениях, связанных со злоупотреблением и превышением должностными полномочиями (статьи 285 и 286 УК РФ)» // [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/17412256/paragraph/10:0> (дата обращения: 10.06.2024).

23. Обобщение судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 285, 286 УК РФ за 2016 год и I полугодие 2017 года (утв. Президиумом Верховного Суда Республики Мордовия от 2 ноября 2017 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/44921144/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.06.2024).

24. Обобщение судебной практики по уголовным делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий (статьи 285 и 286 УК РФ), рассмотренным судами Астраханской области в 2007 году - первом полугодии 2008 года // [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/9123944/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.06.2024).

25. Одинодворцева Е.А. История развития российского законодательства об ответственности за должностные преступления // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 171-175.

26. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 1928-О // [Электронный ресурс]. URL: <https://demo.garant.ru/#/document/71521224/entry/2> (дата обращения: 10.06.2024).

27. Определение СК по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06 августа 2020 г. по делу № 7У-9251/2020 [77-1466/2020] // [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/315505071/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.06.2024).

28. Определение СК по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09 июля 2020 г. по делу № 7У-8380/2020 [77-1301/2020] // [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/314853876/paragraph/1:0> (дата обращения: 10.06.2024).

29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 №19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 10.06.2024).

30. Провоторова В.А. Признаки должностного лица как специального субъекта преступлений против государственной власти, интересов

государственной службы и службы в органах местного самоуправления // Будущее науки. 2021. № 1. С. 180-186.

31. Романова В.В. Корыстная заинтересованность как мотив совершения злоупотребления должностными полномочиями // КриминалистЪ. 2012. № 1 (10). С. 26-30.

32. Семенюк А.В. История становления уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Молодой ученый. 2020. № 20 (310). С. 327-332.

33. Смирных Д.А. О совершенствовании законодательного определения понятия должностного лица в УК РФ // Юридическая наука. 2021. №7. С. 59-61.

34. Соборное уложение 1649 // [Электронный ресурс]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения 10.06.2024).

35. Справка Кемеровского областного суда от 29 августа 2008 г. N 01-19/500 о практике рассмотрения судами Кемеровской области уголовных дел о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий (статьи 285, 286 УК РФ) // [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/7501408/paragraph/328:0> (дата обращения: 10.06.2024).

36. Товарова Е.В., Балдаева И.С. Объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке. 2022. С. 155-160.

37. Трухина В.Г. Проблемы отграничения превышения должностных полномочий от смежных составов преступлений // Экономика и социум. 2020. № 6-2 (73). С. 448-455.

38. Уголовное уложение 1903 года // [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения: 10.06.2024).

39. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. № 25. Ст. 2952.

40. Уголовный кодекс 1922 года // [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 10.06.2024).

41. Уголовный кодекс 1960 года // [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037819> (дата обращения: 10.06.2024).

42. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 10.06.2024).

43. Устав благочиния или полицейский 1782 года // [Электронный ресурс]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_blagochiniya (дата обращения: 10.06.2024).

44. Утина М.И. Объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями // Вестник Уральского института экономики, управления, права. 2018. № 4(45). С. 78-84.

45. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.

46. Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.